

А. В. МАЛЕШЕВИЧ

**МИФ О СРЕМСКОМ ФРОНТЕ В СОВРЕМЕННОЙ СЕРБИИ:
РЕВИЗИЯ ПАМЯТИ О РОЛИ ЮГОСЛАВСКОЙ АРМИИ И СССР¹**

**THE MYTH OF THE SYRMIAN FRONT IN SERBIA: REVISION OF
MEMORY RELATED TO THE YUGOSLAV ARMY AND THE USSR**

This article aims to deconstruct the newly established myth of the Syrmian front in Serbian memory frameworks. Since the collapse of socialist Yugoslavia, Serbia has been in the process of building a nation state. This implies the revision of the internationalist approach to remembering the Second World War and shifting the focus onto the role of the Serbs. Based on the understanding that the war of liberation was at the same time a civil war, post-socialist revision creates conditions to re-estimate the necessity for open resistance and even to take the side of those who collaborated with the occupation regime. Partial legitimization of such collaboration stems from its anti-communist orientation and the absence of battles on territories controlled by more “pragmatic” forces. The liberation of Yugoslavia in 1944 started from Serbia, but it had not been previously the main battlefield. While the Yugoslav army liberated Serbia with the military aid of the USSR, former partisans had to confront the retreating Wehrmacht forces and their defense line near the Serbo-Croatian border in the Syrmia region. Breaking through the Syrmian front was necessary for the liberation of the whole territory of Yugoslavia, and the front served as protection for Allied flanks. In today’s Serbia, however, the victory of the Yugoslav army has been transformed into the *myth martyrism*, that is, the Syrmian front is perceived as inflicting unnecessary suffering on young conscripts and intentionally organized by the communists out of hatred for the Serbian people. The author concludes that hegemonic anti-communist discourse in Serbia has revised Second World War memory there, shifting the country from the winner’s to the loser’s camp. In other words, such a narrow, “patriotic” approach entails the dismantling of anti-fascist tradition.

Keywords: Serbia, memory politics, Second World War, revisionism, Syrmian front, resistance, civil war

Anastasia V. Maleshevich – PhD in Political Science, Research Fellow, Institute for International Studies (IIS), Moscow State University of International Relations (MGIMO University). Email: anastasia.maleshevich@gmail.com. ORCID: 0000-0001-6894-3978

1 *Citation: A. V. MALESHEVICH, “Mif o Sremskom fronte v sovremennoi Serbii: Reviziia pamiati o roli iugoslavskoi armii i SSSR” [The Myth of the Syrmian Front in Serbia: Revision of Memory Related to the Yugoslav Army and the USSR], *RussianStudiesHu* 6, no. 2 (2024): 155–174. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2024.6.20*

ВВЕДЕНИЕ: НОВЫЙ СИМВОЛ СТАРОЙ ВОЙНЫ

Вторая мировая война в культуре памяти стран бывшей Югославии занимает особое место, символизируя не только победу над фашизмом, но и стартовую точку новой – социалистической – государственности. В значительной степени освобождение от фашизма стало заслугой самих югославских партизан, что отличает балканское движение сопротивления от многих европейских, но все равно заключительные битвы на территории Сербии и других республик велись при непосредственном участии Красной армии. Деконструкция символов периода войны и эпохи социализма сопровождала очередную фазу национально-государственного строительства на фоне гражданских войн на пост-югославском пространстве. В независимой Сербии, как и в других республиках, появилась отчетливая тенденция к противопоставлению югославского опыта сербским национальным интересам, к критике роли югославских партизан в (гражданской) войне и участию СССР в освобождении региона на завершающем этапе. Отмеченная линия утвердилась после свержения последнего президента Югославии Слободана Милошевича в 2000 году. Разумеется, задачи построения национального государства требовали пересмотра роли сербов во Второй мировой войне: образ Сремского фронта становится главным символом неоправданной сербской жертвы, «спровоцированной» бывшими партизанами (теперь регулярной армией) и красноармейцами.

Новая модель памяти о Второй мировой войне в современной Сербии строится на постепенной легитимации понятия «гражданская война» применительно к тем событиям. Ранее в СФРЮ, как и в других европейских странах, каноничной считалась концепция сопротивления, когда сотрудничавшие с оккупационными властями – по разным причинам – национальные силы признавались коллаборационистами и выводились за рамки «гражданского» диалога. В югославской/сербской эмигрантской среде о гражданском характере противостояния вместо освободительной борьбы говорили с самого начала Холодной войны², но по мере распада Югославии представления побежденной стороны стали укрепляться в памяти современной Сербии³. Особенно процесс демонтажа югославской модели памяти ускорился после

2 BORIVOJE KARAPANDŽIĆ, *Gradjanski rat u Srbiji 1941-1945* (Klivland, 1958), 488 str.

3 MILOŠ MINIĆ, *Oslobodilački ili gradjanski rat u Jugoslaviji: 1941-1945* (Novi Sad: Agencija MIR, 1993), 611 str.

свержения С. Милошевича и прихода к власти правоконсервативной оппозиции в 2000 году. Например, в «Новой истории сербского народа», редактором которой выступил известный историк и бывший директор Института балканистики Сербской академии наук и искусств Д. Батакович, посвященный рассматриваемому периоду раздел обозначен как «Гражданская война 1941-1945»⁴.

Серьезные дебаты о гражданской войне на фоне сопротивления начались с публикацией в 1991 г. работы итальянского исследователя К. Павоне «Гражданская война»⁵ и совпали по времени с распадом социалистического блока. В самом итальянском обществе попытки поставить под сомнение общенародный характер сопротивления подверглись критике за ревизионизм и даже за косвенную реабилитацию фашизма, но постановка вопроса о гражданской войне нашла большой отклик в находящихся на распутье странах Восточной Европы. Однако если в постсоветской традиции апелляция к гражданскому характеру Второй мировой войны на территории СССР является совсем маргинальным нарративом, свойственным условным сторонникам «властосовцев», то на пост-югославском пространстве гражданский характер противостояния в 1941-1945 гг. стал практически предметом консенсуса. Впрочем, в случае Югославии, в отличие от СССР, тезис о гражданской войне не лишен оснований с учетом того, что большинство югославских жертв периода войны погибли от рук соотечественников, причем имеется в виду не только противостояние между партизанами, четниками и усташами, но и деятельность сформированных оккупационными властями формирований с участием местного населения⁶.

Общая рамка памяти о Второй мировой в Югославии как о войне гражданской позволяет поставить под сомнение действия югославских партизан и их союзников в лице СССР и их роль в освобождении страны. На территории Сербии антифашистскому движению партизан во главе с Иосипом Брозом Тито противостояли, прежде всего, формирования Югославской армии на родине под руководством королевского офицера Д. Михайловича (т.н. четники). Участвуя в сопротивлении в самом начале войны, четники⁷ впоследствии стали системно сотруд-

4 DUŠAN BATAKOVIĆ, *Nova istorija srpskog naroda* (Beograd: Naš dom, 2002), 381 str.

5 CLAUDIO PAVONE, *Una Guerra civile. Saggio storico sulla moralità nella Resistenza* (Torino: Bollati Boringhieri, 1991), 825 p.

6 ALEKSEJ TIMOFEJEV, *Rusi i Drugi Svetski Rat u Jugoslaviji: uticaj SSSRa i ruskih emigranata na događaje u Jugoslaviji 1941-1945*. (Beograd: Institut za noviju istoriju, 2011), 11.

7 Термин «четник» имеет более долгую историю, но в статье употребляется контек-

ничать с оккупационными силами, а партизаны вытеснены из Сербии в Боснию. Поэтому основные сражения именно на территории Сербии произошли на завершающем этапе войны с появлением на границах Югославии Красной армии. Благодаря коллаборационизму четников в годы войны в Сербии удалось избежать больших битв, хотя это не спасло население от террора и политики «100 за одного». После освобождения Белграда в октябре 1944 г. открыт Сремский фронт (назван по равнинной географической местности на северо-западе Сербии – Срему). К тому моменту территория Сербии в основном была освобождена, но значительные силы немецкой группы армий «Ф» держали укрепленные позиции в Среме для поддержки эвакуации из Греции и южных районов Югославии группы армий «Е».

Битвы на Сремском фронте стали первым опытом фронтальных столкновений окончательно оформившейся тогда Югославской армии (ЮА). Ожесточенные бои на завершающем этапе войны с отступающей, но более опытной и технически оснащенной армией противника используются в качестве главного довода в пользу аргумента о *бессмысленности* Сремского фронта. Проведенная югославским командованием во главе с компартией мобилизация на территории Сербии интерпретируется даже не как ошибка, а как своего рода *месть коммунистов и спланированная акция по уничтожению сербов* в окопах. Таким образом, Сремский фронт предстает *бойней сербской молодежи*. Красная армия оказывала некоторую поддержку ЮА в битвах на Сремском фронте, но основные ее силы были сконцентрированы в направлении Будапешта и Вены. Одновременно с боями в Среме произошла крупнейшая на территории Югославии Батинская битва на границе Сербии и Хорватии, когда силы Красной армии форсировали Дунай. Как будет показано в статье, основные потери пришлось на красноармейцев и значительно превосходили сербские потери на Сремском фронте, но эта битва оказалась совершенно забыта и тем более не стала символом никакой жертвы.

Достаточно радикальный и идеологически нагруженный вариант осмысления событий завершающего этапа войн в Сербии не является маргинальной версией, а формирует доминантный миф о Сремском фронте. Более того, как будет показано далее, здесь мы сталкиваемся не совсем с классической ревизией югославского антифашистского

стуально – исключительно для обозначения участников Югославской армии на родине и связанных с ними сил.

нарратива (как в случае, например, с появлением дискурса об *оккупации* Белграда в 1945 году вместо освобождения), а с созданием нового мифа о Второй мировой войне буквально на закате социалистической Югославии. Иными словами, мы склонны считать, что целостный и самостоятельный образ Сремского фронта в СФРЮ не сложился, так что критический комплекс нарративов имеет практически монополярный статус, что, впрочем, не означает, что отсутствуют какие-либо другие интерпретации, однако по эмоциональной силе и политическому значению они не формируют альтернативного мифа.

В качестве вспомогательных инструментов автором использованы материалы, полученные в ходе посещения двух ключевых памятников завершающего этапа Второй мировой войны, расположенных в Сербии – мемориальных комплексов «Сремский фронт» (муниципалитет Шид) и «Батинская битва» (муниципалитет Сомбор). В тексте дискурсивные примеры, помимо кавычек, обозначены просто *курсивом* в том случае, когда не сопровождаются ссылкой на конкретный источник, но при этом отражают общие тенденции.

ПАМЯТЬ О СРЕМСКОМ ФРОНТЕ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Под Сремским фронтом с военно-исторической точки зрения понимается серия операций Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ), в процессе переименованной в Югославскую армию (ЮА), против немецких групп армий «Ф» и «Е», которые проходили с октября 1944 г. по апрель 1945 г. на отрезке территории между реками Драва, Дунай и Сава в районе современной сербско-хорватской границы. Сремский фронт открыт на следующий день после освобождения Белграда (20 октября 1944 года). Технически его сформировало немецкое командование для прикрытия позиций отступающих армий, но впоследствии именно этот аспект будет оспариваться в рамках нового национального мифа, утверждающего, что препятствовать эвакуации оккупационной армии не имело смысла.

Другой спорный момент вокруг формирования культуры памяти о Сремском фронте связан с поздним строительством мемориального комплекса, несмотря на большое историческое значение битвы. Музейный парк на месте прорыва фронта открыт в 1988 г. и стал последним значительным памятником Второй мировой войне в единой Югос-

лави. Несоразмерность жертвы и отданных ей почестей уже позднее в независимой Сербии рассматривались как указание на то, что тема Сремского фронта в социалистической Югославии была табуирована. Предполагаемое «замалчивание» этого сюжета в СФРЮ стало затем элементом создаваемого мифа о Сремском фронте как, в лучшем случае, о бессмысленной жертве, а в более радикальном варианте – как о спланированной акции возмездия югославских коммунистов в отношении сербов.

Прежде всего, стоит учитывать, что в югославской, как и в советской, исторической традиции события завершающего этапа освободительной войны на территории Югославии, которые последовали за Белградской операцией и окончились освобождением Триеста и капитуляцией коллаборационистских сил (в основном усташей) в Блайбурге, обозначались более масштабным понятием Югославский фронт⁸. Речь идет о едином фронте от Италии до Венгрии, который связывал армии союзников в общую систему. Стремление подчеркнуть историческое значение Югославского фронта и равноправный статус ЮА по отношению к другим участникам антигитлеровской коалиции, просто не подразумевали обособления Сремского фронта в отдельную смысловую конструкцию. К тому же точка зрения, что на тот момент Сербия была освобождена, а противник отступал, поэтому сражения были излишними, не соответствовала историческим реалиям, когда стояла задача освободить не только Сербию, но и всю Югославию. Более того, раньше присутствовал нарратив, что системный и организованный характер сопротивления югославских партизан позволял считать Югославию *вторым фронтом* союзников в Европе, открытым задолго до высадки в Нормандии⁹.

В двухтомной советской «Истории Югославии» (1963 г.) отмечается, что именно «гитлеровцы создали так называемый Сремский фронт и основательно его укрепили», а наступление и прорыв фронта поддерживались советской авиацией и Дунайской флотилией в тылу немецких дивизий¹⁰. Однако этот эпизод рассматривается в ряду других операций Югославских армий, которые велись с разных направлений.

8 ПЕТАР БРАЈОВИЋ, *Konačno oslobođenje* (Zagreb: Spektar, 1983), 721 s.

9 ОВРАД ВЈЕЛИСА, *Jugoslovenski front I odnosi sa saveznicima 1944-1945* (Beograd: Midim Print, 1995), 318.

10 Ю.В. БРОМЛЕЙ, И.С. ДОСТЯН, В. Г. КАРАСЕВ, С. А. НИКИТИН (ред.) *История Югославии*. Т. 2. (Москва: Издательство АН СССР, 1963), 251.

Таким образом, недостаточное внимание к памяти о Сремском фронте можно считать, скорее, следствием наднациональной югославской оптики, где эти события рассматривались как элемент завершающих операций. С другой стороны, не исключено, что им не придавалось исключительного значения, чтобы не подчеркивать особый статус именно сербов, участвовавших в знаковом прорыве Сремского фронта, по отношению к другим югославским народам в деле освобождения страны.

Первая объемная историческая работа, посвященная непосредственно событиям на Сремском фронте, вышла в СФРЮ в 1979 г. Речь идет о подробном исследовании военных историков Л. Пайовича, Д. Узелца, М. Джебеджича «Сремский фронт 1944-1945»¹¹. Авторы даже при целенаправленном детальном рассмотрении событий на этом участке фронта следуют сложившейся традиции включения его в рамки Югославского фронта. Каноничная интерпретация тех событий в югославской версии исходила из того, что, во-первых, немецкая тактика отступления подразумевала контрудары, то есть создание фронта было неизбежно; во-вторых, как уже отмечалось, перед армией стояли задачи окончательного освобождения страны и оказания помощи союзникам; в-третьих, необходимо было добиться капитуляции немцев на территории Югославии, а не перед англо-американскими союзниками¹².

На фоне финальных сражений в начале 1945 г. в Косове вспыхнуло восстание албанцев, которых пытались мобилизовать в югославские единицы и отправить на Сремский фронт. Оно вошло в историю как «восстание баллистов» (по националистической организации «Бали Комбетар»), или Дреницкое восстание. В подавлении восстания совместно участвовали формирования И. Броза Тито и лидера албанских партизан Э. Ходжи, поскольку связи баллистов с оккупационными силами не вызывали сомнений. Современные сербские историки считают, что югославское руководство путем мобилизации на Сремский фронт пыталось провести своего рода амнистию квислингских эле-

11 LjUBIVOJE PAJOVIĆ, DuŠAN UZELAC, MILOVAN DŽELEBDŽIĆ, *Sremski front 1944-1945* (Beograd: Beogradski izdavačko-grafički zavod, 1979), 422 s.

12 Большим военным достижением стало то, что командующий группой армий «Е» и один из главных военных руководителей оккупационного режима на Балканах Александр Лер капитулировал перед Югославской армией в Словении в мае 1945 г. и расстрелян по приговору трибунала в Белграде в 1947 г.

ментов среди албанского населения Косова¹³. Утверждается, что речь идет о единственном случае в Европе, когда уже после освобождения от нацистских оккупантов вспыхивает массовое восстание против освободителей, а албанские повстанцы-коллорационисты были фактически использованы западными союзниками в борьбе против югославских и албанских партизан-коммунистов¹⁴. После войны вооруженное сопротивление балистов в сербском крае Косово и Метохия продолжалось до 1952 года. Восстание балистов не вошло в каноничный нарратив о Сремском фронте ни в югославской, ни в поздней сербской национальной версии и рассматривается обособленно. Мы приводим этот пример, как и случай Батинской битвы, чтобы показать, как связанные с событиями финального этапа войны в Сербии значимые эпизоды исключаются из памяти. Так, Дреницкое восстание, в подавлении которого участвовало около 40 тыс. солдат югославских формирований, не соответствовало представлениям о братстве и единстве социалистических республик СФРЮ. В то же время современный национальный нарратив строится на обвинении партизан (коммунистов) в предательстве сербских национальных интересов, поэтому лишней раз упоминать, что войска Тито боролись против албанских сепаратистов в Косове, не очень приветствуется. К тому же балисты, как и сербские четники, были антикоммунистами и имели опыт, хоть и разный, сотрудничества с немецким оккупационным режимом, что как будто сближает их друг с другом больше, чем с партизанами.

ГЕНЕАЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО МИФА О СРЕМСКОМ ФРОНТЕ

В работе по теории политического мифа итальянская исследовательница К. Боттичи исходит из идеи постоянной подвижности мифа, то есть не существует какой-то присущей конкретному мифу правды, его содержание меняется в зависимости от обстоятельств и требований времени, а от обычного нарратива политический миф отличает его значимость для социальной группы в актуальных политических усло-

13 IGOR VUKADINOVIĆ, "Ustanak Šabana Poluže u Drenici 1945. godine", *Baština, Priština – Leposavić*, no. 49 (2019): 292.

14 "Srdjan Graovac. Albanska pobuna na Kosmetu 1944-1945. Godine", *Kulturni Centar Novog Sada*, November 30, 2020, <https://www.kcns.org.rs/agora/albanska-pobuna-na-kosmetu-1944-1945-godine-2/>

виях¹⁵. Значит, миф всегда является нарративом, но не всякий нарратив становится мифом, как и не всякий символ. Политическим миф делает не содержание, а способность придавать значимость опыту группы в конкретных исторических условиях – настоящего, а не прошлого.

Норвежский исследователь П. Кольсте в своих работах, посвященных балканским политическим мифам, выделяет четыре архетипические модели, наиболее распространенные в регионе: миф *sui generis* (подчеркивает различия с соседними этнографически близкими народами) и связанный с ним антагонистическими отношениями миф об общем происхождении (*common descent*), миф *antemurale* (о барьере/защите христианства, Европы, цивилизации и т.п.), миф *antiquitas* (утверждает древнее происхождение, автохтонность) и миф *martyrium* (мученический опыт, объединяющая жертва)¹⁶. Конечно, для стран бывшей Югославии также значимую роль играют такие конструкции, как миф о происхождении (*origin myth*), миф основания (*foundation myth*), миф о золотом времени (*golden age*) и др. Причем некоторых из них, как, например, первые два, могут встраиваться в категорию мифов *sui generis*.

Народно-освободительная борьба (НОБ) традиционно интерпретируется как миф основания социалистической Югославии, где 1945 год символизирует не только победу над фашизмом, но и победу *революции*. Революционный миф о НОБе строился не столько на деятелях мирового рабочего движения, сколько на культе народных героев из времен Второй мировой войны. Образ Сремского фронта, не формируя самостоятельного мифа, вполне органично встраивался в победную символику НОБа. В основе государства лежала именно партизанская патриотическая мифология¹⁷. Значит, при демонтаже югославской государственности удару подверглись не абстрактные Маркс и Ленин, а конкретные сербские и вообще югославские *народные герои*. Как только сложились политические условия для укрепления статуса нарративов о Сремском фронте как о специфически сербском опыте Второй мировой войны, поменялась и сама его интерпретация – теперь

15 CHIARA BOTTICI, *A Philosophy of Political Myth* (Cambridge: Cambridge University Press, 2007), 179.

16 «Pal Kolstø. Theorizing historical myths in Balkan societies and beyond. Part II: historical myths as boundary-defining mechanisms», *Radio Free Europe*, October 15, 2003, <https://www.rferl.org/a/1342491.html>

17 VJEKOSLAV PERICA, "Myths about World War II and Socialist Era", in *Political Myths in the Former Yugoslavia and Successor States. A Shared Narrative*, ed. DARKO GAVRILović, VJEKOSLAV PERICA (Institute for Historical Justice and Reconciliation: Republic of Letters, 2011), 53.

уместно говорить о Сремском фронте не как о победе, а как о мифе *martyrium*, более свойственном проигравшей стороне.

В память о Сремском фронте символический перелом наступает в 1980-е гг. на фоне кризиса легитимности социалистической Югославии, роста сепаратизма и национализма в республиках. В рамках актуализации сербского национального вопроса существовала потребность в новой интерпретации событий Второй мировой войны и, как уже тогда стали подчеркивать – гражданской войны, с акцентом на роли сербов. Формирование мифа *martyrium* о Сремском фронте подразумевало, в первую очередь, его национализацию и исключение из общегославского контекста. Другим важным фактором стало его окончательное утверждение в антикоммунистическом идеологическом контексте, где главными палачами выступают коммунисты, стоявшие во главе командования НОАЮ и затем ЮА и организовавшие *селективную мобилизацию*. Тогда впервые в ходе войны югославское командование вынуждено было отправлять солдат на фронтальные бои против укрепленных позиций противника, в отличие от применяемой прежде партизанской тактики.

В работах современного сербского историка П. Вайагича наиболее подробно анализируется роль Сремского фронта в культуре памяти Сербии с опорой на существующую историографию¹⁸. Резкий рост общественного интереса к проблематике Сремского фронта в середине 1980-х гг. П. Вайагич связывает с фигурой председателя президиума СФРЮ Душана Чкребича, участника тех сражений и партизана-добровольца: в сентябре 1984 г. в журнале «НИН» с его подачи вышло несколько публикаций о необходимости поставить памятник героям Сремского фронта¹⁹. В одной из статей (не самого Чкребича) уже ясно сформулирована идея, которая станет затем главной при интерпретации смысла завершающей битвы на равнинах Срема – «*памятник прерванной юности*». В 1985 г. опубликованы краткие воспоминания Душана Чкребича о Сремском фронте²⁰. В них не ставятся вопросы о целесообразности формирования фронта и уж тем более о спланированной коммунистами акции возмездия, а напротив, мемуары написаны, скорее, в бравурной тональности. В целом, в мемуарах других

18 PREDRAG M. VAJAGIĆ, “Kultura sećanja – Sremski front”, *Vojno delo* 27, no. 3 (2017): 415–434.

19 “Dušan Čkrebic. Obeležimo Sremski front”, *Nin*, 2 septembar 1984; “Ljubiša Rakonjac. Spomenik prekinutoj mladosti”, *Nin*, 9 septembar 1984.

20 “Dušan Čkrebic, sećanja na Sremski front”, *Yugopapir*, April 1985, http://www.yugopapir.com/2014/04/nob-dusan-ckrebic-secanja-na-sremski_13.html

участников сражений на Сремском фронте военным аспектам уделяется значительно больше внимания, то есть попытки поставить те события в некий историософский контекст с точки зрения судьбы нации еще не предпринимаются.

Фигура Душана Чкребича является показательной с точки зрения настроений определенной части сербской партийной элиты после смерти Тито: разочарование в югославском проекте и рост интереса к сербскому национальному вопросу. В позднем интервью в 2018 г. Душан Чкребич скажет, что «Югославия была сербской иллюзией»²¹. Его интерес к проблематике Сремского фронта в начале 1980-х гг. был связан, по всей видимости, с желанием отдать должное именно сербскому вкладу в победу, поскольку на территории Сербии практически отсутствовали значимые памятники Второй мировой войне (основные сражения происходили на территории Боснии и Герцеговины), но героический пафос в его текстах все же преобладал над мученическим.

Однако популяризация Сремского фронта приобретает более трагичную тональность, когда он становится образом художественной литературы. Вообще, в Сербии именно писатели сыграли значимую роль в конструировании современных национальных мифов и, что немаловажно, в делигитимации прежних исторических нарративов²². В отношении Сремского фронта П. Вайагич называет два ключевых текста: «Книга о Милутине» (1985) Данка Поповича и «Отцы и предки» (1985) Слободана Селенича²³. Причем «Книга о Милутине» имеет действительно культовый статус в современной Сербии и может считаться нациеобразующей в рамках трагической концепции судьбы сербского народа, особенно в антиюгославских и антикоммунистических кругах. В обоих текстах отцы отправляются на поиски своих погибших *ни за что* на Сремском фронте сыновей. Бессмысленно и даже вероломно принесенная в жертву юность, а также страдания родителей выходят на первый план.

Официально идея строительства памятника Сремскому фронту появилась в начале 1980-х гг. и исходила от ветеранских и обществен-

21 “Čkrebić: Jugoslavija je srpska iluzija”, *Radio Slobodna Evropa*, November, 19, 2018, <https://www.slobodnaevropa.org/a/dusan-ckrebic-100-godina-jugoslavije/29557256.html>

22 Самым ярким примером являются тексты популярного писателя и лидера консервативного монархического «Сербского движения обновления» Вука Драшковича («Нож», «Ночь генерала»), сформировавшие своего рода популярный общественный канон ревизии югославского социалистического прошлого и памяти о Второй мировой войне.

23 PREDRAG M. VAJAGIĆ, «Književnost kao deo kontroverze O Sremskom frontu», *Baština*, no. 58 (2022): 64.

но-политических организаций. Комитет в поддержку строительства мемориала возглавил генерал-полковник и участник битвы Милан Далевич. Автором проекта стал скульптор Йован Солдатович, а содержание музейных нарративов подготовил историк Воислав Суботич. Торжественное открытие состоялась в годовщину прорыва фронта 12 апреля 1988 г. в присутствии 200 тысяч человек. Мемориальный парк состоит из нескольких сегментов: сборный пункт (серб. сабиралиште), где по кругу выстроены панно с названиями 70 военных единиц, участвовавших в битвах; аллея чести, где на плитках выложены имена около 15 тысяч погибших бойцов, среди которых в основном сербские и отчасти македонские солдаты Югославской армии (13,5 тысяч), но также и красноармейцы (1100), солдаты болгарской Народной армии (630) и итальянские партизаны (163)²⁴.

Примечательно, что музейная экспозиция сочетает в себе как элементы традиционного югославского подхода к освещению битвы, где акцент делается на героизме воинов и победном шествии Югославской армии (в центре зала смоделирован ров с захваченной вражеской военной техникой), так и нового сербского взгляда на те сражения как на трагедию. Так, в одном из залов Йованом Солдатовичем создана скульптурная композиция из гипса и проволоки, призванная передать ужасы войны. Белые человеческие фигуры в драматичных позах на выжженной земле и доисторические птицы наподобие птеродактилей вызывают ассоциации с библейскими страданиями или античной трагедией. Осмотр экспозиции имеет соответствующее звуковое сопровождение – на фоне звучит монолог о погибших юношах и их безутешных родителях. В то время как в соседнем зале можно наблюдать фотографии плененных солдат противника или того, как Югославская армия входит в Триест. Фактически посетителям предлагаются две противоположные интерпретации – с точки зрения победы и с позиции жертвы, где последнее все-таки больше укладывается в комплекс нарративов проигравшей стороны.

В официальном государственном дискурсе в силу его инертности и осторожности воспроизводится такая же двоякая картина событий. В одном из последних выступлений на церемонии в честь годовщины прорыва Сремского фронта 12 апреля 2023 г. глава сербского Минтруда Никола Селакович заявил, что на том месте «нацистский оккупант

24 VOJISLAV SUBOTIĆ, MIRO ČAVAJUGA, ZORAN PANOVIĆ, *Spomen-obeležnje Sremski front* (Beograd: SUBNOR Srbije, 2004), 7.

потерпел решительный удар», а «сербский народ утвердился в своем антифашизме и антинацизме»²⁵. Министр не только ни слова не говорит о судьбе Югославии, но и воспроизводит элементы мученического мифа, полемизируя с ними: «Правда, что погибли юные, безбородые солдаты, но они погибли, потому что их отцы, дяди и старшие братья находились в нацистском плену или уже отдали свои жизни в предыдущие четырех кровавых года войны. И позвольте вас спросить, на какой войне не погибали безбородые юноши?»²⁶. Официальный нарратив – как видно уже на примере этой полемики с невидимыми критиками – значительно по популярности уступает мученическому образу Сремского фронта, принятому в общественно-политическом дискурсе. Пожалуй, еще одно сходство с югославским временем заключается в том, что в официальной риторике Сремский фронт как таковой не занимает особого места, но в текущих условиях такой подход создает пространство для экспансии мифа *martyrium*.

СОДЕРЖАНИЕ МИФА MARTYRIUM О СРЕМСКОМ ФРОНТЕ

Восприятие сражений на Сремском фронте как бессмысленной трагедии становится предметом многочисленных публицистических статей, телепередач и книг. Сторонники альтернативной версии событий не имеют подобной институциональной поддержки и выступают главным образом в жанре комментариев в интернете или в рамках нишевых политических дискуссий в среде левых. В либеральных кругах также сохраняется общая лояльность югославской версии истории Второй мировой войны, но конкретно образ Сремского фронта не занимает в этих рассуждениях особого места. Можно предположить, что отсутствие специального интереса к событиям завершающего этапа войны связано с участием в них Красной армии, тогда как в либеральной традиции принято отделять югославское наследие от советского. Содержательно миф *martyrium* о Сремском фронте охватывает следующий круг вопросов.

Во-первых, как уже неоднократно отмечалось, целесообразность открытия фронта ставится под вопрос. На первом уровне здесь речь

25 “Српски народ на Сремском фронту ставио печат своје антифашизму”, *Шид*, 12 април 2023. <https://www.srbija.gov.rs/vest/698247/srpski-narod-na-sremskom-frontu-stavio-pecat-svoje-antifasizmu.php>

26 Образ *безбородого юноши* здесь не случаен – это очень частая метафора в конструкции современного мифа о Сремском фронте как о боине сербской молодежи.

идет о том, что армия противника и так отступала, но при обсуждении немецких контрударов появляется новый ракурс. Иногда косвенно, а иногда и прямо говорится о том, что окончательная победа над фашизмом – сфера ответственности Красной армии и союзников, а не, надо полагать, самих освобожденных народов. Яркий символ, к которому часто обращаются: дата прорыва Сремского фронта (12 апреля) практически совпадает со взятием Вены советскими войсками, то есть имеется в виду, что реально никакой югославской победы не было, а фронт рассыпался сам. Если доводить до конца эту логическую линию, что чаще проявляется в более низких жанрах уровня бытовых дискуссий, то имеется в виду, что лучше бы финальные битвы велись ценой жизни красноармейцев, которые в любом случае не допустили бы повторной оккупации части Сербии и противопоставили бы более серьезные силы отступающим немецким частям. Такая точка зрения не кажется совсем экзотичной, если иметь в виду своеобразную философию *ожидания союзников* в среде четников: отсутствие активного сопротивления со стороны Югославской армии на родине, располагавшейся на территории Сербии в годы войны, их сторонники объясняют как раз *мудрой* политикой сохранения человеческих жизней до прихода союзников (предпочтительно западных).

Показателен пример Батинской битвы (7-29 ноября 1944) – крупнейшего сражения на территории Югославии, когда после освобождения Белграда и перед активной фазой Будапештской операции войска Красной армии форсировали Дунай. В битве принимали участие части НОАЮ, но основные потери приходятся на Красную армию. Всего потери составляют около 90 тысяч человек, то есть значительно больше, чем за почти полгода Сремского фронта. Как справедливо отмечает историк А.Ю. Тимофеев, Батинская битва оказалась практически забыта как югославской, так и советской историографией: югославские историки стремились подчеркнуть самостоятельный характер освобождения страны и больше внимания как раз уделяли событиям Сремского фронта и последующим, тогда как в советской традиции этот эпизод рассматривался как часть более масштабной Будапештской операции²⁷. Так или иначе, Батинская битва не только не осталась в сербской памяти трагедией и напоминанием об ужасах войны, но и

27 ALEKSEJ TIMOFEJEV, *Rusi I Drugi Svetski rat u Jugoslaviji* (Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 2011), 327.

практически неизвестна широкой публике. Посвященный битве музей с сербской стороны Дуная часто просто закрыт для посетителей, хотя формально функционирует. С хорватской стороны Дуная непосредственно в деревне Батина сохранился один из немногих памятников красноармейцам, но после 1948 г. в Югославии их строить перестали.

Во-вторых, отсутствие согласия относительно количества жертв, как и в отношении всех подобных символов – от лагеря Ясеновац до Сребреницы. Последние официальные данные опубликованы в третьем номере журнала «Војно дело» в 1995 г. к 50-летию победы и называют общие потери четырех армий – 18 тысяч человек. Для музея информацию о погибших солдатах собирал подполковник Драголюб Тмушич: по его данным, потери ЮА составили 14,826 человек. Таблички с именами погибших солдат выложены в мемориале. Понятно, что любые данные можно поставить под сомнение, но в данном случае удивляет масштаб расхождений. В главной сербской газете «Политика» высказываются оценки вплоть до 120 тысяч погибших²⁸. Хотя в той же газете, отражающей, скорее, официальный дискурс власти, периодически публикуются опровержения²⁹. Более частое указание на количество жертв – 30 тысяч человек, но источники обычно не указываются.

В-третьих, характер и цели мобилизации в НОАЮ и затем в ЮА на завершающем этапе войны. Образы *бойни сербской молодежи и безбородых юношей* указывают лишь на один аспект – первую массовую мобилизацию в ряды Югославской армии молодых людей, не имеющих военной подготовки. Раньше партизанские единицы пополнялись в основном добровольцами. Более важный аспект мобилизации с точки зрения национального мартиролога указывает на то, что она имела селективный характер и неприглядную политическую цель: *«геноцид коммунистов над сербами реализован с помощью отправки сербских партизанских отрядов против значительно превосходящих и лучше вооруженных сил оккупантов, чтобы погибло как можно больше людей»*³⁰. Многие статьи в жанре «правда о Сремском фронте» представляют собой пе-

28 “На Сремском фронту погинуло више от 120.000 војника”, *Политика*, 22.05.2020, <https://www.politika.rs/scc/clanak/454627/Na-Sremskom-frontu-poginulo-vise-od-120-000-vojnika>

29 См. пример. “Фантазије не могу да оборе истину”, *Политика*, 08.09.2016, <https://www.politika.rs/scc/clanak/363036/Pogledi/Fantazije-ne-mogu-da-obore-istinu>

30 “Stravični podaci: Zločini komunista nad srpskim narodom u 20. Veku”, *Koreni*, 15.05.2020, <https://www.koreni.rs/stravicni-podaci-zlocini-komunista-nad-srpskim-narodom-u-20-veku/>

речисление судеб насильно мобилизованных молодых людей³¹. На эту бойню «Тито послал сербских детей, которые не знали ни стрелять, ни плавать, с одной целью – уничтожить сербскую молодежь»³². Идея о том, что таким образом «Тито решал сербский вопрос»³³ имеет широкую популярность. Что касается селективности, то принято считать, что специально мобилизовались *дети из богатых городских семей* или из тех, где были четники. Если вопрос о селективном характере мобилизации технически может быть разрешен историками, то утверждение о спланированном коммунистами уничтожении сербов представляет собой радикальную форму ревизии антифашистской модели памяти.

В анализе школьных учебников, выпущенных при новой власти после 2000 года, историк Д. Стоянович отмечает, что в них уже говорится, что мобилизация на Сремский фронт была призвана основную тяжесть войны наложить на Сербию, тогда как игнорируется факт мобилизации в партизанские единицы в других югославских регионах³⁴. О Сремском фронте как о новом знаковом месте *преступлений коммунизма* критически пишет известный сербский социолог Т. Кулич в статье «Анти-антифашизм»³⁵.

Иногда прорыв Сремского фронта сравнивают с героическим прорывом сербскими войсками Салоникского фронта в ходе Первой мировой войны³⁶. Как и в королевстве Югославии, в современной Сербии дата прорыва Салоникского фронта – 15 сентября – отмечается как День сербского единства. Несмотря на большие потери, непривычные фронтальные бои и похожую цель – создание/освобождение Югославии, Сремский фронт не имеет в памяти того героического статуса, который придается Салоникскому фронту. Главная причина заключается в том, что после распада Югославии, в Сербии, как и в других странах

31 "Istina o Sremskom frontu", *Jadovno*, 11.10.2017, <https://jadovno.com/istina-o-sremskom-frontu/?lng=lat>

32 "Bojanić: Sremski front, stradanja Srpske omladine...i prihvatanje ustaskog djelata za brata", *Srpska istorija*, <https://www.srpskaistorija.com/bojanic-sremski-front-stradanja-srpske-omladine-i-prihvatanje-ustaskog-djelata-za-brata/>

33 „Tito rešio srpsko pitanje na Sremskom frontu“, *Nova srpska politička misao*, 18.04.2010, <http://www.nspm.rs/prenosimo/tito-resio-srpsko-pitanje-na-sremskom-frontu.html?alphabet=l>

34 «Dubravka Stojanović. Školska istorija», *Peščanik*, 07.04.2011, <https://pecanik.net/skolska-istorija/>

35 ТОДОР КУЛИЋ, "Anti-Antifašizam", *Godišnjak za društvenu istoriju*, no. 1-3 (2005): 174.

36 «Drugi Svetski Rat (Sremski front)», Aleksandar Prelić, <https://aleksandarprelicistorija.wordpress.com/2018/06/14/drugi-svetski-rat-1939-1945/>

бывшего социалистического лагеря, началось то, что принято называть ревизией или даже контрреволюцией, но в более нейтральных терминах это можно обозначить как демонтаж и делегитимацию (зачастую – криминализацию) не только югославского, но даже в большей степени социалистического наследия. К сожалению, сербские юноши погибали и на фронтах Балканских войн, и в Первой мировой войне, но только в случае Сремского фронта можно отметить формирование настоящего мифа *martyrium*. Впрочем, в более радикальном варианте критики идей югославизма и создается негативная картина даже первой королевской Югославии: один из главных сербских писателей Добрица Чосич говорил, что даже «Салоникский фронт – сербское самоубийство»³⁷, имея в виду, что по его итогам было создано не национальное государство Сербия, а Югославия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ИЗ ПОБЕДИТЕЛЕЙ В ЛАГЕРЬ ПРОИГРАВШИХ

Миф *martyrium* о Сремском фронте является не пацифистским манифестом пережившей ужасы недавних гражданских войн Сербии, а именно *мартирологом жертв коммунизма*. Проблема такой интерпретации очевидна: сербы, составляя большинство среди югославских партизан, стали редким примером крупнейшего антифашистского движения в оккупированной Европе, но в то же время они сознательно в рамках национальной ревизии итогов Второй мировой войны ставят себя на сторону проигравших. Если Сремский фронт – это не победа, а бессмысленная и спланированная трагедия, то и весь предшествующий путь югославского движения сопротивления ставится под вопрос.

Заслуживает внимания одна двусмысленная метафора, предложенная сербским журналистом Славолюбом Джукичем: «Сремский фронт – это сербская Галлиполийская битва»³⁸. Имеется в виду Дарданелльская операция Первой мировой войны (1915-1916 гг.), в ходе которой страны Антанты потерпели поражение от Османской империи

37 “Dobrica Čosić: Solunski front – srpsko samoubistvo!”, *Novosti*. 25.11.2008, <https://www.novosti.rs/vesti/naslovna/aktuelno.69.html:227081-Dobrica-Cosic-Solunski-front---srpsko-samoubistvo>

38 “Slavoljub – Slava Djukic, hroničar političke Srbije: dva veka srpskin poraza”, *Express*, 20.04.2017, <https://www.ekspres.net/politika/slavoljub-slava-dukic-hronicar-politicke-srbije-dva-veka-srpskih-poraza>

и Германии. В битве на стороне Великобритании принимали участие войска Австралии и Новой Зеландии, она стала их боевым крещением. В памяти британских союзников Галлиполи является символом трагичной гибели неопытных молодых призывников. С другой стороны, в турецкой памяти битва при Чанаккале, в которой принимал участие Мустафа Кемаль Ататюрк, стала решающей победой армии, в которую никто не верил. Показательно, что для сербской памяти о Сремском фронте подходят обе интерпретации в зависимости от того, чью сторону выбирать – победителей или проигравших.

В рамках концепции Второй мировой войны в Югославии как гражданской становится все более популярным выбор в пользу тех национальных сил, которые отказывались от открытого сопротивления и главной угрозой считали коммунистов, то есть партизан и затем Югославскую армию. В памяти современной Сербии не только переоценивается вклад движения сопротивления партизан Тито в победу, но и разрывается связь о союзнических отношениях с СССР и о роли Красной армии в освобождении страны. Весьма показательно, что в 2005 году Сербия не отправила своих представителей на крупнейший со времен распада СССР парад 9 мая в Москве, посвященный 60-летию победы во Второй мировой войне, где присутствовали лидеры многих западных стран, включая президента США Дж. Буша-младшего. Очевидно, после прихода к власти националистической оппозиции в 2000 году и популяризации нарративов о гражданском противостоянии власти Сербии не знали, как оценивать свою роль в войне. Впоследствии ситуация была несколько сбалансирована усилиями России по линии дипломатии памяти, но глубокий раскол в сербском обществе сохраняется.

References

- DUŠAN BATAKOVIĆ, *Nova istorija srpskog naroda* [A New History of the Serbian Nation] (Beograd: Naš dom, 2002), 381.
- OBRAD BJELICA, *Jugoslovenski front I odnosi sa saveznicima 1944–1945* [The Yugoslav Front and Relations with Allies 1944–1945] (Beograd: Midim Print, 1995), 345.
- “Bojanić: Sremski front, stradanja Srpske omladine...i prihvatanje ustaskog djelata za brata” [Bojanić: The Syrmian Front, the Suffering of the Serbian Youth], *Srpska istorija*, <https://www.srpskaistorija.com/bojanic-sremski-front-stradanja-srpske-omladine-i-prihvatanje-ustaskog-dzelata-za-brata/> (Accessed November 5, 2023).
- СНІАРА ВОТТІСІ, *A Philosophy of Political Myth* (Cambridge: Cambridge University Press, 2007), 286. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511498626>

- PETAR BRAJOVIĆ, *Konačno oslobodjenje* [The Final Liberation] (Zagreb: Spekta, 1983), 721.
- IU. V. BROMLEI, I. S. DOSTIAN, V. G. KARASEV, S. A. NIKITIN (ed.), *Istoriya Jugoslavii*. T. 2. [A History of Yugoslavia. Vol. 2] (Moskva: Izdatelstvo AN SSSR, 1963), 430.
- “Čkrebić: Jugoslavija je srpska iluzija” [Čkrebić: Yugoslavia is a Serbian Illusion], *Radio Slobodna Evropa*, November, 19, 2018, <https://www.slobodnaevropa.org/a/dusan-ckrebic-100-godina-jugoslavije/29557256.html> (Accessed November 1, 2023).
- “Dobrica Čosić: Solunski front – srpsko samoubistvo!” [Dobrica Čosić: the Salonica Front – Serbian Suicide], *Novosti*. 25.11.2008, <https://www.novosti.rs/vesti/naslovna/aktuelno.69.html:227081-Dobrica-Cosic-Solunski-front---srpsko-samoubistvo> (Accessed November 5, 2023).
- «Drugi Svetski Rat (Sremski front)» [The Second World War (Syrman Front)], Aleksandar Prelić, <https://aleksandarprelicistorija.wordpress.com/2018/06/14/drugi-svetski-rat-1939-1945/> (Accessed November 5, 2023).
- «Dubravka Stojanović. Školska istorija» [Dubravka Stojanović: A School History], *Peščanik*, 07.04.2011, <https://pescanik.net/skolska-istorija/> (Accessed November 5, 2023).
- “Dušan Čkrebić. Obeležimo Sremski front” [Dušan Čkrebić: Let’s Mark the Syrmian Front], *Nin*, 2nd September 1984.
- “Dušan Čkrebić, sećanja na Sremski front” [Dušan Čkrebić: Memories of the Syrmian Front], *Yugopapir*, April 1985, http://www.yugopapir.com/2014/04/nob-dusan-ckrebic-secanja-na-sremski_13.html (Accessed November 10, 2023).
- “Fantazije ne mogu na oboru istinu” [Fantasies Cannot Defeat the Truth], *Politika*, 08.09.2016, <https://www.politika.rs/scc/clanak/363036/Pogledi/Fantazije-ne-moguda-obore-istinu> (Accessed October 15, 2023).
- “Istina o Sremskom frontu” [The Truth about the Syrmian Front], *Jadovno*, 11.10.2017, <https://jadovno.com/istina-o-sremskom-frontu/?lng=lat> (Accessed November 5, 2023).
- BORIVOJE KARAPANDŽIĆ, *Gradjanski rat u Srbiji 1941-1945* [Civil War in Serbia 1941-1945] (Klivland, 1958), 488.
- TODOR KULJIĆ, “Anti-Antifašizam” [Anti-Antifascism], *Godišnjak za društvenu istoriju*, no. 1-3 (2005): 171–184.
- “Ljubiša Rakonjac. Spomenik prekinutoj mladosti” [Ljubiša Rakonjac: A Monument to Interrupted Youth], *Nin*, 9 September 1984.
- MILOŠ MINIĆ, *Oslobodilački ili gradjanski rat u Jugoslaviji: 1941-1945* [Liberation or Civil War in Yugoslavia 1941-1945] (Novi Sad: Agencija MIR, 1993), 611.
- “Na Sremskom frontu poginulo više od 120.000 vojnika” [More than 120,000 Soldiers Died on the Syrmian Front], *Politika*, 22.05.2020, <https://www.politika.rs/scc/clanak/454627/Na-Sremskom-frontu-poginulo-vise-od-120-000-vojnika> (Accessed October 15, 2023).
- LJUBIVOJE PAJOVIĆ, DUŠAN UZELAC, MILOVAN DŽELEBDŽIĆ, *Sremski front 1944-1945*. [Syrmian Front 1944-1945] (Beograd: Beogradski izdavačko-grafički zavod, 1979), 422.
- CLAUDIO PAVONE, *Una Guerra civile. Saggio storico sulla moralità nella Resistenza* [Civil War. A Historical Essay on Morality During the Resistance] (Torino: Bollati Boringhieri, 1991), 825.
- «Pal Kolstø. Theorizing historical myths in Balkan societies and beyond. Part II: historical myths as boundary-defining mechanisms», *Radio Free Europe*, October 15, 2003, <https://www.rferl.org/a/1342491.html> (Accessed November 5, 2023).

VJEKOSLAV PERICA, «Myths about World War II and the Socialist Era», in *Political Myths in the Former Yugoslavia and Successor States. A Shared Narrative*, ed. DARKO GAVRILOVIĆ, VJEKOSLAV PERICA (Institute for Historical Justice and Reconciliation: Republic of Letters, 2011), 51–56.

VOJISLAV SUBOTIĆ, MIRO ČAVALJUGA, ZORAN PANOVIĆ, *Spomen-obeležje Sremski front* [The Strymian Front Memorial] (Beograd: SUBNOR Srbije, 2004), 98.

“Slavoljub – Slava Djukic, hroničar političke Srbije: dva veka srpskin poraza” [Slavoljub – Slava Djukic, Chronicler of Political Serbia: Two Centuries of Political Defeat], *Express*, 20.04.2017, <https://www.ekspres.net/politika/slavoljub-slava-dukic-hronicar-politicke-srbije-dva-veka-srpskih-poraza> (Accessed November 5, 2023).

“Srdjan Graovac. Albanska pobuna na Kosmetu 1944-1945. Godine” [Srjan Graovac. The Albanian Revolt in Kosovo and Metohia 1944-1945], *Kulturni Centar Novog Sada*, November 30, 2020, <https://www.kcns.org.rs/agora/albanska-pobuna-na-kosmetu-1944-1945-godine-2/> (Accessed November 5, 2023).

“Srpski narod na Sremskom frontu stavio pečat svome antifasizmu” [The Serbian People Confirmed Its Anti-Fascism on the Strymian Front]. *Shid*, April 12, 2023. <https://www.srbija.gov.rs/vest/698247/srpski-narod-na-sremskom-frontu-stavio-pecat-svome-antifasizmu.php> (Accessed November 5, 2023).

“Stravični podaci: Zločini komunista nad srpskim narodom u 20. Veku” [Terrible Data: Communist Crimes Against the Serbian People in the 20th Century], *Koreni*, 15.05.2020, <https://www.koreni.rs/stravicni-podaci-zlocini-komunista-nad-srpskim-narodom-u-20-veku/> (Accessed November 5, 2023).

ALEKSEJ TIMOFEJEV, *Rusi i Drugi Svetski Rat u Jugoslaviji: uticaj SSSRa i ruskih emigranata na događaje u Jugoslaviji 1941-1945* [Russians and the Second World War in Yugoslavia: The Influence of the SSSR and Russian Emigrants on Events in Yugoslavia 1941-1945] (Beograd: Institut za noviju istoriju, 2011), 464.

„Tito rešio srpsko pitanje na Sremskom frontu“ [Tito Resolved the Serbian Question on the Strymian Front], *Nova srpska politička misao*, 18.04.2010, <http://www.nspm.rs/prenosimo/tito-resio-srpsko-pitanje-na-sremskom-frontu.html?alphabet=l> (Accessed November 5, 2023).

PREDRAG M. VAJAGIĆ, “Kultura sećanja – Sremski front” [The Culture of Memory of the Strymian Front], *Vojno delo* 27, no. 3 (2017): 415–434. <https://doi.org/10.5937/vojdela1703415V>

PREDRAG M. VAJAGIĆ, “Književnost kao deo kontroverze o Sremskom frontu” [Literature as Part of the Strymian Front Controversy], *Baština, Priština – Leposavić*, no. 58 (2022): 63–70. <https://doi.org/10.5937/bastina32-39942>

IGOR VUKADINOVIĆ, “Ustanak Šabana Poluže u Drenici 1945. godine” [The Uprising of Šaban Poluža in Drenica in 1945], *Baština, Priština – Leposavić*, no. 49 (2019): 291-310. <https://doi.org/10.5937/bastina1949291V>